

Аосюэ с любопытством спросила Эрханя:

— Почему Черный Волк охотится на вас? Разве вы раньше не были подчиненными Императора Демонов?

Эрхань уставился на Аосюэ своими бычьими глазами и промолчал. Он не знал, стоит ли ей доверять и открывать истинную причину.

Дахань с горечью произнес:

— Среди зверей Белый Тигр и Черный Волк всегда притесняли наш клан Носорогов, охотясь на нас ради совершенствования. Лишь сто лет назад, когда мы перешли под покровительство Императора Демонов, они немного присмирели. По его настоянию мы ежегодно отдавали им по сотне взрослых носорогов. Но в этом году Черный Волк начал похищать наших жен и детей!

Шаобай отозвался:

— Дахань! Я немедленно схвачу Белого Тигра и Черного Волка, чтобы они ответили за содеянное!

Дахань обрадовался:

— Если великий бог вмешается, успех обеспечен! Я бесконечно тронут!

— Где сейчас эти звери? — спросил Шаобай.

— На горе Баоту, в тридцати тысячах ли отсюда, — ответил Дахань.

— Я скоро вернусь.

Шаобай уже собрался уходить, как вдруг услышал голос Божественного Владыки:

— Великий бог Шаобай, не спеши! Сейчас ты лишь вспугнешь змею, что повредит нашим дальнейшим планам. Лучше отдохни, а завтра на рассвете мы вместе отправимся на гору Баоту.

Даос Чунъян также решил вмешаться:

— Великий бог, вы призваны стать Богом Войны и главнокомандующим наших войск. Во всем нужно проявлять рассудительность. Помните о своем статусе и миссии, не позволяйте эмоциям брать верх.

Шаобай нахмурился, чувствуя, как некая невидимая цепь сковывает его сердце.

Дахань не хотел доставлять ему неудобств и тоже начал уговаривать:

— Великий бог, Владыка прав! Мои сотня телят, должно быть, уже стали обедом для Черного Волка, так что спасение наших жен подождет! — Затем он обернулся к брату: — Эрхань, живо распорядись, чтобы наши сородичи расчистили место, мы разобьем здесь лагерь.

Эрхань, беспокойно вращая глазами, спросил:

— Дахань, а можно ли доверять этим бессмертным?

Дахань понизил голос:

— Эрхань, этот человеческий облик мы получили благодаря их милости! Как ты смеешь сомневаться в них?

— Сейчас же исполню! — кивнул Эрхань и поспешно удалился.

Эрхань оказался расторопным. Всего за время, пока сгорает одна палочка благовоний, он вместе с пятью тысячами сородичей, используя рога и камни, расчистил и выровнял огромную площадку. Вскоре подросли коровы с телятами, принеся травы, плоды и воду.

Боги могли бы обустроить лагерь с помощью магии, но, видя такое усердие Даханя и Эрханя, позволили им все устроить самим.

Когда стемнело и палатки были установлены, Божественный Владыка объявил:

— Всем хорошо отдохнуть. Завтра на рассвете выступаем на гору Баоту.

После череды сражений и отступлений боги были измотаны. Ночью они крепко спали, набираясь сил, и лишь Шаобай в одиночестве воспарил к отдаленной поляне, поросшей грибами. Оглядевшись и убедившись, что его никто не видит, он тихо произнес, обращаясь к своему правому плечу:

— Выходи.

Его рукав едва заметно дрогнул.

— Ой! Я еще не выпалась! — раздался кокетливый женский голос. Из рукава Шаобая выскользнуло крошечное красное существо, которое, коснувшись земли, начало стремительно расти. Вскоре перед ним предстала обольстительная Пестрая длиннохвостая лиса.

— Ай! Ненавижу! Ты отбил мне всю пятую точку! — продолжая манерничать, она потерла бедро и медленно поднялась.

Окинув местность взглядом, она увидела Шаобая, стоящего к ней спиной. Его одежды развевались на ветру, и он казался воплощением благородства. В ее глазах вспыхнул восторг, а на губах заиграла счастливая улыбка. Почувствовав резкий запах грибов, она взглянула под ноги и жеманно рассмеялась:

— Ой! Ты что, правда принял меня за девочку, собирающую грибы? Это ты так обо мне заботишься? Хочешь накормить?

Шаобай молчал.

Лиса подошла к нему спереди, но он развернулся к ней спиной. Она обошла его снова, и он снова отвернулся.

Внезапно лицо лисы стало серьезным, и она с капризной обидой спросила:

— Ты выпустил меня, почему не хочешь разговаривать?

Шаобай холодно ответил:

— Говори нормально, не нужно этих лисьих ужимок.

— Хорошо, — смягчилась она. — Тогда повернись ко мне.

Шаобай не обернулся и произнес равнодушно:

— Отныне ты останешься здесь, на горе Жуню. Когда я усмирю три мира, я помогу тебе переродиться.

Слыша его сухой, лишенный эмоций тон, лиса почувствовала, как внутри все похолодело. Она нахмурилась и с отчаянием спросила:

— Ты бросаешь меня?

— Между нами изначально ничего не было, так что бросить тебя я не могу.

Лиса насмешливо хмыкнула:

— Ничего не было? Мы были обнаженными в объятиях друг друга, и ты называешь это ничем?

— Это была лишь проверка.

— Тогда зачем ты спас меня, наказал Биюэ и даровал тысячу лет совершенствования?

— Все живые существа равны. Ты заслуживаешь жизни, а я отношусь ко всем одинаково.

Лиса фыркнула:

— Пусть ты лишен страстей, но ты не бесчувственен! Иначе почему ты даже не смеешь взглянуть мне в глаза?

Шаобай резко обернулся и, пристально глядя на нее, спросил без тени гнева:

— Я смотрю на тебя. Довольна?

— Ты! — Лиса почувствовала укол боли от его холодного взгляда. — Неужели ты считаешь правильным бросить красавицу в этой глуши?

— Ты обладаешь душой лисы с тысячелетней практикой, этого достаточно, чтобы выжить. Когда придет время, я заберу тебя на перерождение.

— Ты хочешь сказать, что презираешь меня и не любишь только потому, что я лиса? — с ненавистью воскликнула она.

— В моих глазах нет разницы между плотью и духом. Как бы ты ни была прекрасна, я не хочу иметь с тобой ничего общего.

— Если для тебя нет разницы, значит, ты признаешь нашу близость?

— Это была лишь проверка Биюэ. К тому же, я сказал, что помогу тебе переродиться.

— И после этого я ничего не буду помнить?

— Вероятно, так.

— Чтобы ты мог окончательно вычеркнуть меня из своей жизни?

Шаобай промолчал.

Лиса с тоской произнесла:

— Кажется, ради того, чтобы стать Богом Войны, ты вырвал себе сердце.

Шаобай снова повернулся к ней спиной.

— Эй! Хватит строить из себя неприступного! И вообще, я не ем грибы, я не та девочка!

— Тогда что ты ешь?

— Есть снежный лотос?

Шаобай сосредоточился и взмыл в воздух. Лиса проводила его довольной улыбкой.

Вскоре он вернулся, не найдя снежного лотоса, но принеся Семилепестковый лотос.

— Снежного не было. Это пойдет?

— Пойдет! — она радостно закивала, а затем таинственно улыбнулась и одним махом проглотила большую часть грибов на поляне.

— Ты! — Шаобай понял, что его обвели вокруг пальца, и его лицо вытянулось от возмущения.

Лиса сделала вид, что не понимает причины его гнева, и кокетливо засмеялась:

— Ой, ты о том, что я некрасиво ем? — Она изящно взяла лепесток лотоса, отщипнула кусочек и медленно отправила в рот. После чего спросила: — Теперь я ем красиво? Будешь? — Она протянула ему лепесток.

— Я это не ем.

— Тогда я съем. — Она продолжила есть с подчеркнутой грацией.

Наблюдая за ее движениями — за белоснежной кожей рук, за тонкими пальцами, за тем, как при жевании шевелились ее нежные губы, обнажая жемчужные зубы, — Шаобай невольно подумал: эта женщина не только обладает красотой, не требующей прикрас, но каждое ее движение, каждая улыбка наделены магией. Воистину, она самая обольстительная из всех лис.

Посмотрев на нее еще немного, он вздохнул про себя и снова отвернулся.

— Почему ты опять отвернулся?

— Я ухожу. — Шаобай мгновенно исчез и оказался в своей палатке.

— Эй! Куда ты?! Неужели ты такой жестокий... — закричала лиса. Услышав ее голос, Шаобай почувствовал тревогу. Он снова переместился к ней, зажал ей рот рукой и прошептал:

— Ты хочешь, чтобы все боги узнали, что ты здесь? Чтобы тебя схватили?

Лиса слегка укусила его за руку и с лукавой улыбкой прошептала:

— Я еще не успела договорить, а ты уже здесь!

— Обещай, что больше не будешь кричать!

— Нет! Буду!

— Если тебя схватят, я больше не приду на помощь. Я серьезно.

— Я тоже серьезно! Если ты уйдешь, я закричу. А если меня поймают, перед смертью я всем расскажу о нашей связи и потяну тебя за собой, если только ты не убьешь меня прямо сейчас!

— Если бы не я, Биюэ давно бы тебя убила, мне незачем пачкать руки. Если хочешь отблагодарить меня, делай, как я сказал, — холодно ответил Шаобай и исчез.

Глядя на пустое место, лиса почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она поняла: даже если она будет кричать, он больше не вернется.

Вытерев слезы, она заставила себя успокоиться. В глубине души она уже давно знала, что Шаобай — ее судьба, и она не может позволить ему опозориться перед богами. Поэтому ей оставалось лишь молча принять его условия, какой бы холодной ни была его натура.

<http://bllate.org/book/22262/2330256>